

Ндайишимийе Т.Г.

ТРАДИЦИИ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ В РОССИИ: ОТ ПОКОРНОСТИ К АНАРХИИ

Аннотация. Предметом исследования является анализ традиций легитимности политической власти в России. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как отсутствие эффективности и результативности линейного подхода, распространённого в научной литературе, поэтому автором предложен иной подход, суть которого заключается в анализе традиций, являющихся прямыми противоположностями друг друга. При исследовании политических традиций, влияющих на становление легитимности власти в России применялся способ сопоставления противоположных друг другу традиций, культуры и мировоззрения россиян; рассматривается влияние данных особенностей культуры на проблему становления политического диалога в практике России. Основным методом, используемым в работе – метод сравнения, при помощи которого производится анализ и сопоставление только тех традиций, которые одновременно присутствуют в политической культуре России, участвуют в формировании легитимности, но, вместе с тем, препятствуют установлению её однозначного характера. Автор отмечает, что в России зачастую легитимность (одобрение деятельности властей обществом) является ситуативной, нерациональной, сервильной. Автор считает, что важным является практическое преодоление полярности политических традиций легитимности власти в России. Автор отмечает, что без преодоления множественной полярности, характерной для политических традиций легитимности в России, сотрудничество между обществом и государством будет объективно невозможно.

Ключевые слова: традиции легитимности, политическая культура, авторитарные традиции, демократические традиции, патернализм, этатизм, анархизм, персонификация, коллективизм, личность в политике.

Abstract. The subject of this research is the analysis of traditions of legitimacy of political power in Russia. The author carefully examines such aspects of the topic as the lack of effectiveness and productivity of the linear approach that is common to scientific literature, therefore, the author suggests his own approach, which consists in the analysis of traditions that directly contradict is other. In examination of the political traditions affecting the establishment of legitimacy of power in Russia, the author used a comparative method with regards to traditions, culture, and worldview of the Russian people, as well as considered the influence of such peculiarities upon the problem of formation of the political dialogue in the Russian practice. The author analyzes only those traditions which are simultaneously present in the Russian political culture, participate in the establishment of the legitimacy, but at the same time hinder the formation of its unambiguous nature. It is noted that quite often, the legitimacy in Russia (an approval of the government work by the society) is contextual, irrational, and servile, thus it is important to overcome the polarity of the political traditions of the legitimacy of power in Russia. The author underlines that without overcoming the multiple polarity, common to the political traditions of legitimacy of power in Russia, the collaboration between the society and the state would be objectively impossible.

Key words: anarchism, statism, paternalism, democratic traditions, authoritarian traditions, political culture, traditions of legitimacy, personification, collectivism, political figure.

«Между политикой, которая требует дисциплины, и творчеством, нуждающимся в свободе, есть коренная несовместимость...» [1].
Р. Пайпс

Одной из важнейших функций действующей власти в любом государстве выступает организация жизнедеятельности общества, однако эффективная реализация этой функции невозможна без поддержки и согласия самого общества. Речь идёт о легитимности власти. Значимость исследования легитимности власти в России невозможно переоценить, так как нестабильная, неуверенная в своих силах власть, допускающая серьёзные экономические и политические ошибки, зачастую лишается доверия и поддержки со стороны народа, таким образом, деформируется легитимность.

Следует отметить, что легитимность – это одна из важнейших характеристик власти. Легитимность отражает отношение населения к действующей власти, поэтому носит эмоциональный, оценочный характер. Отсюда следует, что легитимность сопровождают зачастую не совсем рациональные критерии, выступающие в качестве основополагающих принципов при её формировании. Так, например, выборы – это самый доступный способ прямого участия граждан в государственных делах, а «систематическое использование российской властью на выборах административного ресурса убивает веру в целесообразность самих выборов и участия в них» [2], поэтому российский народ в основу легитимности закладывает честность, не учитывая ряд других важных критериев, таких, как профессионализм. Очевидно, что феномен легитимности весьма нестабилен, однако это не свидетельствует о том, что у данного явления отсутствуют определённые закономерности развития, их выявление будет тем ценнее, чем более стабильные и постоянные факторы, влияющие на формирование легитимности, будут выделены в качестве основополагающих.

Поиск и раскрытие закономерностей в сфере жизнедеятельности общества объективно непростая задача, особенно если предметом подобного поиска выступает некий изменчивый

феномен, каким является легитимность власти. В связи с этим весьма значимым в контексте изучения легитимности станет исследование политических традиций, такая ценность усиливается также тем, что одной из устойчивых черт отечественного политического процесса является зависимость от традиций [3], что также влияет на становление легитимности.

Исследование традиций легитимности власти в России целесообразно проводить с помощью нормативного подхода. Это позволит проводить исследование легитимности сквозь призму традиций.

Следует отметить, что характер политических традиций определяется типом политической культуры, доминирующим в данном обществе. Достижения современной науки позволяют однозначно утверждать, что политическая культура современной России содержит в себе традиции авторитарного и даже тоталитарного характера, а личность в политике выступает носителем авторитарного сознания [2]. Таким образом, не подвергающиеся сомнению выводы однозначно позволяют выделить характерные для России традиции легитимности. Так, например, среди политических традиций России в целом можно выделить следующие основные традиции, непосредственно влияющие на становление легитимности в нашей стране:

- Этатизм. Государство представляется как высшая цель, в связи с чем в качестве основы легитимности выступает сильное государство, сохраняющее единство и порядок.
- Персонификация власти. Власть отождествляется с конкретным лицом; успех политического лидера (легитимность) будет длиться до тех пор, пока он служит «общему делу», которому привержена большая часть населения.
- Патернализм. Легитимность проявляется в том, насколько хорошо власть «заботится» о своём народе (на словах и на деле), «подсказывает», как жить и что делать, народ полностью веряет свою судьбу государству вместе с полной ответственностью за неё.
- Сервильные отношения. Российский народ боится сильную власть, ненавидит её, но в то

же время заигрывает с ней, это своего рода «неискренняя», услужливая легитимность.

- Взаимная отчуждённость. Легитимность сохраняется до тех пор, пока власть способна решать главные государственные вопросы и проблемы, пока она сильна и самодостаточна; слабая и неэффективная власть лишается легитимности в виде поддержки народа [5].

Очевидно, что приведённый список специфических для российской политической культуры традиций далеко не полный, его можно продолжить, однако такая трактовка традиций легитимности власти в России не сможет исчерпывающе разрешить обозначенную проблему. Такой подход является линейным, довольно узким, тогда как проблема полярности политических традиций легитимности в России требует другого подхода. Исследование традиций легитимности в России ключевым вопросом, требующим разрешения, выдвигает сложную дилемму взаимоотношений общества и государства. Авторитарные традиции политической культуры России не в полной мере раскрывают механизм, логику формирования отношения граждан к государству, институтам, представителям власти, то есть легитимности. Большая часть политических традиций России носит двойственный, дихотомический характер, что существенно ослабляет линейный подход к исследованию традиций легитимности.

Складывающиеся взаимоотношения между обществом и властью на протяжении длительного периода имели зачастую полярный характер. Это обстоятельство объясняется рядом причин (например, российская политическая культура содержит в себе ценности как западных культур, так и восточных). Таким образом, главная характеристика всей российской политической культуры – это множественная полярность. Легитимность власти (признание или непризнание власти народом) также формировалась, изменялась под влиянием этой полярности. Эта основная особенность российских политических традиций имеет высокий объяснительный потенциал при ответе на вопрос о том, почему не складывается диалог между обществом и властью в России, а легитимность фактически носит формальный характер.

Примечательно, что прямо противоположное отношение к одному и тому же явлению в политической жизни нашей страны было замечено ещё Бердяевым Н. А. Так, он писал: «Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей ... страна мятежная и жуткая в своей стихийности». Но при этом «Россия – страна неслыханного сервиллизма и жуткой покорности, страна, лишённая сознания прав личности и не защищающая достоинства личности...» [6]. Выделенная особенность в общем не изменилась за истечением длительного времени, однако характеризовать всю совокупность политических традиций легитимности в России парой противоположностей «анархия-свобода», характеризующая современную Россию, не совсем точно. Бердяев в своё время выделил тенденцию, которую следует взять за некий образец («анархия-свобода») и дополнить его другими парами противоположностей, исходя из политических реалий современной России. Высокая результативность такого подхода при исследовании традиций легитимности в России возможна только в том случае, если анализировать противоположные традиции попарно. Это позволит идентифицировать суть проблемы, разрешение которой возможно благодаря взаимному преодолению противоположных явлений (влекущих неопределённость, напряжённость, недоверие) политической культуры России, непосредственно влияющих на формирование легитимности власти.

Таким образом, в рамках данной статьи можно выделить перечень из двенадцати попарных противоположных традиций, которые служат основой складывающейся на протяжении длительного периода легитимности власти в России и характеризуют противоречивую особенность российской политической культуры – полное отсутствие сотрудничества на основе диалога между обществом и властью.

Этатизм – анархизм. Сильное государство всегда ассоциировалось в России со стабильностью, возможностью «крепко стоять на ногах», независимостью. Российское население неохотно проявляло инициативу, если дело касалось их непосредственного участия в государственных делах, ему проще было положиться на мощь своего государства, полностью переложив всю от-

ветственность за своё настоящее и будущее на власть. Сильное, доминирующее практически во всех областях жизнедеятельности государство вызывало чувство спокойствия и уверенности в завтрашнем дне у подавляющего большинства населения.

Однако в то же самое время люди чувствовали давление, излишнюю инициативность со стороны государства, понимали несправедливость законов или способов их практического применения, видели решение некоторых сложных вопросов, но по привычке (по сложившимся традициям) не вмешивались в дела «всегда правого» государства. Такие отношения породили анархизм, правовой нигилизм, неуважение ко всей политико-правовой организации жизнедеятельности людей под названием государство. Эти обстоятельства во многом определили формирующиеся доверие и недоверие (степень легитимности) к различным ветвям и уровням власти со стороны населения. У законодательной и судебной властей традиционно самый низкий уровень легитимности, тогда как исполнительная власть и силовые структуры пользуются большим доверием у россиян, при этом верховная власть в лице царя, императора, генсека, президента всегда была выше остальных властей. Пока государство проводит самостоятельную (в том числе и от своего населения) политику, а Президент уверенно вещает с экранов телевизоров о наших реальных и выдуманных успехах, традиционный этатизм продолжит действовать как успокоительное для народа (по крайней мере, в практической реализации). Однако так же присущий российской политической культуре анархизм всегда будет некоторой дистанцией, не позволяющей населению полностью доверять своему государству либо – иной вариант – начать собственные рациональные политические и государственные действия.

Сильное государство – сильное общество (взаимоисключающие состояния). Об этом писал ещё Чичерин Б. Н. В его трактовке общество первично по отношению к государству и должно направлять и по необходимости корректировать государственную организацию и деятельность. В российских условиях такая тенденция принимает разрушительный характер, поскольку, как

было сказано ранее, российское население согласно жить «под покровом» доминирующего государства, терпеть любую несправедливость и соглашаться с ней, если взамен будет государственная поддержка (даже самая незначительная) и гарантии (зачастую туманные) на будущее. Однако как только политика внутри страны смягчается, государство неуверенно даёт обещания, пытается привлечь к управлению государственными делами население, предпринимает попытки либерализоваться, народ и все противники действующей власти воспринимают это как недопустимую слабость. «Ни одна либеральная реформа в России не привела к долговременному общепризнанному успеху; всякий раз за ней следовали острые конфликты, недовольство многих групп и слоёв населения вплоть до бунтов и терроризма, сепаратистские движения в провинциях, что в скором времени приводило к восстановлению власти консервативных политических сил и контрреформам» [7]. Таким образом, парадокс выделенной пары противоположных политических традиций заключается в том, что легитимной в России признаётся только та власть, которая способна подавить собственное население.

Персонификация – коллективизм. Исторически сложилось так, что российский народ привык жить сплочённо, вести совместное хозяйство, принимать коллективные решения. Со времён монгольского вторжения идеал свободы занимал второстепенное место в отличие от равенства. «Народ, смиренный игом варваров, думал только о спасении жизни и собственности, мало заботясь о своих правах гражданских. Рабство политическое несовместно с гражданской вольностью» [4]. Коллективизм в России являлся спасением в тяжёлые времена. Однако в связи с тем, что власть всегда воспринималась населением обособленно, легитимной становилась харизматичная власть, олицетворяющаяся конкретной персоной. Эта личность была всегда самой недосягаемой, сакральной, на неё возлагались все самые труднореализуемые задачи, её высказывания и обещания принимались на веру и никогда не подвергались критике. Населению проще слушаться одного человека, даже если

его вчерашние слова, решения и действия противоречат сегодняшним. Поток информации из одного источника проще принимается и понимается людьми, так как это обстоятельство не обременяет их критически осмысливать всё происходящее вокруг. С одним человеком проще согласиться (а это традиционно происходит в России), на одного проще положиться, «обожествить» его, а также полностью лишиться поддержки и легитимности и предать политическому забвению (или даже физической расправе) в случае явного несоответствия личности в «сакральной должности» созданному образу.

Ориентация на должность – ориентация на личность в должности. Эта пара противоречивых традиций сложилась потому, что народ не научился однозначно формировать собственное отношение к своему государству. В результате «в зависимости от того, находится ли человек вне него (купечество, мелкий бизнес), под ним (...«бюджетники», пенсионеры), или вошёл во власть (начальство, чиновничество, крупный бизнес), государство понимается им как: – главный рэкетир и насильник, от которого лучше держаться подальше; – страж справедливости и порядка, строгий и единственный Хозяин с «твёрдой рукой», на которого вся надежда; – сверхценность и сверхоружие, позволяющее «допущенным к столу» «решать вопросы» и держать в узде «недопущенных»» [7]. Данное обстоятельство приводит в том числе и к формированию разветвлённой сети неформальных отношений, клиентелизму, что в итоге приводит к правовому нигилизму и неуважению к общепризнанным правилам и нормам.

Таким образом, легитимность формируется так, что пока «сухая», невосприимчивая к насущным человеческим нуждам «должность» (институт, организация) находится где-то далеко от простого гражданина, эта «должность» будет лишена легитимности со стороны этого самого гражданина, однако как только появляется возможность «отыскать» живого человека среди бездушных «должностей» и с ним «договориться», легитимность начинает усиливаться. Подобные метаморфозы в равной степени нега-

тивно характеризуют как объект, так и субъект легитимности.

Недоверие к властным должностям – желание занять такие должности. Эта пара противоположных традиций является прямым продолжением предыдущей пары. Очевидно, что простой обыватель никогда не станет уважать любую из властных должностей и с доверием относиться к тем, кто эти должности занимает, однако все понимают «ценность» подобных мест, которая определяется возможностью нажиться и поправить собственное социальное и материальное положение; такая осведомлённость невольно заставляет многих людей (и не только в России) захотеть занять такую должность, чтобы из разряда тех, кто находится «под государством» попасть в разряд тех, кто «вошёл во власть». Тем самым надевая легитимностью должность только в том случае, когда она сможет приносить какие-либо «дивиденды».

Признание демократии в принципе – полное её неприятие на практике. Современное российское общество нельзя считать полностью авторитарным, авторитарность в большей степени характеризует один из элементов политической культуры – политические традиции. Именно этот конфликт – традиционных авторитарных пережитков и желания приобщиться к ценностям цивилизованных государств – тормозит развитие России в сторону демократии.

Следует отметить, что в нашей стране начинают развиваться традиции демократического характера, среди которых первое место занимают выборы, важнейший атрибут демократии, также это многопартийность, относительно свободные СМИ, гарантия прав и свобод и др. Однако многовековые авторитарные традиции не позволяют успешно утвердиться ценностям демократии на уровне сознания российских граждан и стать безусловной стороной их поведения. Поэтому «...демократические ценности, признаваемые в принципе, почти не воспринимаются массовым сознанием в качестве реального инструмента решения стоящих перед обществом проблем» [8]. Только носители демократического типа сознания смогут адекватно оценить действия властей и признать (или не признать) их легитимными. Конфликт автори-

тарных и демократических ценностей сводит легитимность к нулю, эта неопределённость зачастую оправдывает несправедливые, неправовые (но привычные) решения властей, в то же самое время признаёт вредным необычное (непривычное), не понятое большинством населения, демократическое нововведение. Такая «конфликтная» легитимность позволяет представителям власти небрежно выполнять свои обязанности, ослабляет ответственность за принятие важных решений; этого следует избегать путём предпочтения привычным, простым, проверенным авторитарным методам гуманные и справедливые демократические решения, предварительно объясняя и популярно доводя до сведения населения все возможные последствия (как положительные, так и отрицательные) от них.

Защита личности, политические свободы – склонность к режиму «жесткой руки». Эти, на первый взгляд, противоположные традиции не смогут слиться воедино и действовать как целостный элемент сознания и поведения. Однако пример России доказывает обратное. Традиция предпочтения режима «жесткой руки» имеет давние корни. Россияне привыкли жить под гнетом сильной власти, об этом писал ещё Победоносцев К. П., «нельзя изменить отношения «власть-общество», меняя режимы, правителей, формы правления, ведь в итоге люди, оставаясь при слабостях и пороках собственной натуры, перенесли на новую форму все прежние свои привычки и склонности» [См. по: 8]. Говоря о ситуации в современной России, следует отметить, что в представлении российских граждан режим «жесткой руки» – это защита прав и свобод человека и гражданина при одновременном государственном регулировании экономики. Такая избирательность никогда не сможет стать основой для выработки объективной легитимности. Любое излишнее «закручивание гаек» вызовет негодование (по крайней мере, в умах) и ослабление легитимности (объективно это справедливо), однако подобную реакцию может спровоцировать также «уход» государства (отведение государству роли «ночного сторожа») и предоставление большей свободы и независимости гражданам. Как справедливо отмечает Е. Б. Шестопал, «...ценности демократии

усваиваются россиянами ровно в той степени, в какой они соответствуют нашей культуре» [9]. Мы рискуем развратить демократию настолько, что выработанные суррогатные элементы в ней при их противоречивости и неразумности создадут в нашей стране такой политический режим, в условиях которого легитимность вообще потеряет смысл, так как связь между населением и государством исказится ещё больше, а легитимность станет внешним оформлением таких отношений.

Преклонение перед властью – ненависть либо равнодушие к власти. Как уже было отмечено, сотрудничество и диалог между населением и властями не может сложиться исторически. Государство рассматривается как самостоятельная и независимая от народа единица, суверенитет воспринимается как независимость и неподконтрольность государства во внутренних и внешних вопросах (но не как полностью исходящий от народа), а представитель и выразитель воли государства – чиновники и другие представители власти. Ни государство, ни сам народ не находят в сложившейся системе отношений места для граждан (или их реальных, а не формальных представителей). Поэтому если государство сильное и решает все вопросы самостоятельно, не привлекая тех, кого это напрямую касается, население будет оставаться в тени государственных дел, возлагая всю ответственность за принятие важных решений на власть.

Российский народ боится сильную власть, но в то же время пытается приблизиться к ней, слиться с ней, раствориться в ней. Это объясняется «... отсутствием в русском обществе традиций самостоятельности народа» [8]. Но слабая власть (зачастую слабой признаётся в России любая власть, отошедшая от режима «жесткой руки» и авторитаризма) становится для населения нежизнеспособной и полностью лишается легитимности. «Наиболее драматические провалы – распады государства (Смута, революция и гражданская война, коллапс СССР) – хотя и имели множество разнородных накапливавшихся причин ... непосредственно обуславливались ... делегитимацией власти» [7].

Патернализм – желание «подняться» без помощи государства или в обход него. Одной из

укоренившихся политических традиций России является противостояние начал коллективизма и индивидуализма. Об их наличии свидетельствует ряд характерных признаков, пронизывающих политическую историю России: с одной стороны (признаки коллективизма) – «чувство защищённости, подавление свободы индивида, традиционализм коллективного мышления, «закрытость» коллективистского общества, манипулирование толпой со стороны лидера»; с другой стороны (индивидуализм) – «материальные возможности, возможность более быстрой и эффективной адаптации к быстроизменяющемуся миру (этот признак выделяет малую группу тех, кто при смене правителей и режимов способен приспособиться к новым условиям – *Прим. автора*), эгоизм и даже эгоцентризм (технология российского предпринимательства – *Прим. автора*), незащищённость человека от крайних проявлений чьего-либо индивидуализма, вплоть до отсутствия чувства личной безопасности» [11].

В российской политической культуре сильны традиции патернализма. Население не просто живёт по указке сильного и строгого, но справедливого «отца» (под этим термином понимается весь государственный механизм в целом), терпеливо выполняя любую его волю, российский народ привык к иждивенчеству и совсем не тяготится чрезмерной «отеческой» заботой, напротив, опека со стороны государства всегда считалась нормой в России. Поэтому та часть населения, которая всегда рассчитывает на помощь государства, непременно будет лояльна власти до тех пор, пока власть будет заботиться о нуждающихся и тех, кто согласен называться нуждающимися хотя бы ради минимальной помощи при минимальных собственных усилиях.

Стоит отметить, что современные реалии позволяют порвать с патерналистским прошлым и создают ряд благоприятных условий для развития гражданских инициатив, однако политическая практика многих десятилетий и даже веков свидетельствует о том, что для большей части населения любые перемены – это утрата безопасности. О таком положении дел писал ещё Ключевский В. О. Так, в качестве примера, характеризующего многовековую тенденцию, можно

привести описанное Ключевским отношение русского народа к реформам Петра I. «Реформа с самого начала вызвала глухое противодействие в народной массе тем, что ... представлялась народу непонятной ломкой вековых обычаев, старинного уклада русской жизни, освященных временем народных привычек и верований. [Этим] реформа и возбудила к себе несочувственное и подозрительное отношение народной массы» [12]. Поэтому население России во все времена боялось перемен, предпочитая жить привычной жизнью, пусть даже в условиях авторитаризма или тоталитаризма. Таким образом, легитимность в данном контексте будет варьироваться в зависимости от того, к какой из двух рассмотренных категорий принадлежит конкретный человек, сможет ли он найти способ реализовать свои амбиции (в политике, в экономике и пр.) без участия государства или в обход него, либо будет довольствоваться собственной минимальной ролью при максимальном государственном участии, сохраняя определённую уверенность в будущем и чувство безопасности.

Патриотизм – желание обрести лучшую жизнь за рубежом. Эта пара традиций парадоксально сочетается в одном менталитете. Этот феномен можно раскрыть на примере описанного в статье Розова Н. С. случая. Так, «В начале 1990-х годов я руководил в Новосибирском гос. университете российской студенческой командой в международной игре по моделированию переговоров ICONS. Из бесед со студентами (все они владели английским) я знал, что почти каждый мечтает уехать на Запад – на учёбу или навсегда. Однако в игре за российское государство те же студенты предлагали *только репрессивные меры* для прекращения утечки мозгов. В память врезалось восклицание: «Николай Сергеевич! Как Вы не понимаете? Нельзя никого отпускать! Если не держать таланты, пускай насильно, все же уедут!!!»» [7].

Как отмечено в той же статье, «две главные установки – «бежать» и «не пущать» – уживаются в одной политической культуре и даже в одном индивидуальном сознании» [7]. Проецируя это на становление легитимности в России, мы получаем, с одной стороны – ориентацию на привычную и проверенную временем

и российскими условиями политику властей в различных областях и критику всякого рода нововведений, с другой стороны – критику устаревшей и недальновидной политики, препятствующей прогрессу, и желание, если не сделать Россию западной страной, то хотя бы отдельным личностям уехать и начать успешную жизнь за её пределами.

Наличие элементов западного политического стиля поведения – желание обрести «свой путь» и следовать ему. Зачастую многие проблемы, противоречия в российской политической практике объясняются одновременным присутствием в политической культуре элементов западной и восточной культур. Подобное сочетание в российских условиях создаёт ситуацию, в которой менталитет авторитарной направленности, характерный для России, не может критически воспринимать опыт других (в данном случае – западных) стран, желая получить лишь их успех и благополучие. В таких условиях легитимность складывается следующим образом: «Я люблю своё Отечество и не люблю своё Правительство; и наоборот, мне не нравятся западные страны, но у них «умные» власти (поэтому население там живёт хорошо). Значит, Отечество я продолжу любить по-прежнему, а Правительство необходимо заменить по типу западного». Такое видение российской политики препятствует выработке объективной легитимности, когда, слепо копируя опыт других стран, российская власть собственную недальновидность и очевидные неудачи выдаёт за несовершенство политики других государств. Эту легитимность можно назвать ложной, так как население вынуждено формировать легитимность для российских властей, пропуская её через призму действий западных правительств.

Тоска по прошлому (в том числе и во взаимоотношениях с государством) – полное отрицание прошлого. Российский политический менталитет и по сей день находится на двойственной позиции относительно прошлого наших общества и государства (это касается и не забытого ещё советского прошлого, и более ранней истории), а, соответственно, и относительно легитимности власти. Для российского политического процесса характерны «... историче-

ское нетерпение влиятельных политических сил, их склонность решать проблемы «целиком и сразу», с «белого листа», отменяя всё накопленное ранее» [3]. Преемственность истории носит противоречивый характер, это не позволяет сформироваться определённой позиции, относительно которой и сможет установиться чёткое мнение населения о своей власти, определяющее [мнение] характер и направленность легитимности политической власти.

Диаметрально противоположные установки граждан в отношении власти, закрепившиеся в политических традициях, препятствуют выработке однозначного характера легитимности, деформируя тем самым саму её сущность, так как легитимность не имеет дихотомического характера, то есть либо она есть, либо её нет [13]. Разрешение проблемы извращения сути легитимности, сложившейся в политической практике России, возможно путём преодоления категоричных установок, влияющих на взаимоотношения общества и государства. При этом необходимо иметь в виду, что в большей части рассмотренных пар противоположных традиций легитимности следует найти так называемую золотую середину, притом, что в парах «ориентация на должность – ориентация на личность в должности», «признание демократии в принципе – полное её неприятие на практике» и «защита личности, политические свободы – склонность к режиму «жесткой руки»» следует полностью устранить одну составляющую.

Только целенаправленное изменение существующей политической практики России позволит сформировать доверительное и уважительное отношение между гражданами и властными структурами. В нашей стране сложились такие политические традиции, которые в корне изменяют основу легитимности, создавая ситуацию, в которой народ вынужден терпеть власть, не имея опыта рационально формировать легитимность либо цивилизованно лишать легитимности неудобную власть. Очевидная противоречивость политических традиций России объективно будет препятствовать такому процессу. Легитимность и легитимация (определённое её состояние) требуют конкретного,

чёткого мнения, отношения населения к властям, только так может сформироваться истинная легитимность, если действия властей одобряются населением, либо, если власти теряют доверие граждан, такие действия признаются нелегитимными.

Таким образом, без преодоления архаичных крайних установок во взаимоотношениях народа и государства будет отсутствовать возможность объективно оценить политическую ситуацию в нашей стране с помощью важнейшей характеристики – политической легитимности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая Газета, 1993.
2. Фарукшин М. Х. Нужна ли народу демократия? // Свободная мысль. – 2007.-№ 4.
3. Журавлёв В. В. Общество и власть в России: исторические традиции и перспективы взаимодействия / Куда идёт Россия?... Общее и особенное в современном развитии. М., 1997.
4. Карамзин М. Н. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991.
5. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Тома I-III. – Москва, типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. Том II.
6. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности // Судьба России: Сочинения. М., 2000.
7. Розов Н. С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис. – 2006.-№ 3.
8. Степанов Ю.Г. «Безочарованный скептик» (власть и общество в политической концепции К.П. Победоносцева) // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. История. Междунар. отношения. – 2010. – Т. 10, № 1.
9. Башкирова Е. И. Трансформация ценностей российского общества // Полис. – 2000.-№ 6.
10. Шестопап Е. Б. Авторитарный запрос на демократию, или почему в России не растут апельсины? // Полис. – 2004.-№ 1.
11. Крымчанинова М. В. Индивидуалистские и коллективистские тенденции в современном российском обществе // Мир психологии. – 2004.-№ 3.
12. Ключевский В. О. Курс русской истории. Полный курс лекций. Мысль, 1995.
13. Категории политической науки: очерки. Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина; каф. политологии; под ред. М. Х. Фарукшина. – Казань: Центр инновационных технологий, 2007.
14. Е. В. Павлова Понимание нравственной ответственности власти в трудах древнерусских мыслителей // Право и политика. – 2012. – 4. – С. 767 – 772.
15. Алейников А.В. Системные конфликты в России: концептуальные основания анализа. Статья 1. // Социодинамика. – 2013. – 7. – С. 94 – 140. DOI: 10.7256/2409-7144.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html
16. Б. Н. Карипов Характеристика особенностей консервативного мышления // Политика и Общество. – 2011. – 7. – С. 85 – 91.

REFERENCES

1. Paips R. Rossiya pri starom rezhime. M.: Nezavisimaya Gazeta, 1993.
2. Farukshin M. Kh. Nuzhna li narodu demokratiya? // Svobodnaya mysl'. – 2007.-№ 4.
3. Zhuravlev V. V. Obshchestvo i vlast' v Rossii: istoricheskie traditsii i perspektivy vzaimodeistviya / Kuda idet Rossiya?... Obshchee i osobennoe v sovremennom razvitii. M., 1997.
4. Karamzin M. N. Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh. – M.: Nauka, 1991.
5. Chicherin B. N. Kurs gosudarstvennoi nauki. Toma I-III. – Moskva, tipografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko, 1894. Tom II.
6. Berdyaev N. A. Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voiny i natsional'nosti // Sud'ba Rossii: Sochineniya. M., 2000.
7. Rozov N. S. Tsiklichnost' rossiiskoi politicheskoi istorii kak bolezni': vozmozhno li vyzdorovlenie? // Polis. – 2006.-№ 3.

8. Stepanov Yu.G. «Bezocharovannyi skeptik» (vlast' i obshchestvo v politicheskoi kontseptsii K.P. Pobedonostseva) // Izv. Sarat. un-ta. Novaya ser. Ser. Istoriya. Mezhdunar. otnosheniya. – 2010. – Т. 10, № 1.
9. Bashkirova E. I. Transformatsiya tsennostei rossiiskogo obshchestva // Polis. – 2000.-№ 6.
10. Shestopal E. B. Avtoritarnyi zapros na demokratiyu, ili pochemu v Rossii ne rastut apel'siny? // Polis. – 2004.-№1.
11. Krymchaninova M. V. Individualistskie i kollektivisticheskie tendentsii v sovremennom rossiiskom obshchestve // Mir psikhologii. – 2004.-№ 3.
12. Klyuchevskii V. O. Kurs russkoi istorii. Polnyi kurs lektsii. Mysl', 1995.
13. Kategorii politicheskoi nauki: ocherki. Kazan. gos. un-t im. V. I. Ul'yanova-Lenina; kaf. politologii; pod red. M. Kh. Farukshina. – Kazan': Tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 2007.
14. E. V. Pavlova Ponimanie npravstvennoi otvetstvennosti vlasti v trudakh drevnerusskikh myslitelei // Pravo i politika. – 2012. – 4. – С. 767 – 772.
15. Aleinikov A.V. Sistemnye konflikty v Rossii: kontseptual'nye osnovaniya analiza. Stat'ya 1. // Sotsiodinamika. – 2013. – 7. – С. 94 – 140. DOI: 10.7256/2409-7144.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html
16. B.N. Karipov Kharakteristika osobennostei konservativnogo myshleniya // Politika i Obshchestvo. – 2011. – 7. – С. 85 – 91.